

777 за "Белое солнце пустыни"

НАШ ГОСТЬ

Пройти и не заметить актера просто невозможно. Даже если вдруг случилось невероятное и ты не видел его на сцене и экране. Высокая фигура, прекрасные грузинские черты, аристократичность и врожденный артистизм. Гордая, несуетная походка. Порода, наконец. Крупно, рельефно, детали не в счет. Так и хочется обернуться.

- Кахи Давидович, теперь, когда вы стали зарубежным для нас актером, мы и сведения о вашей творческой жизни имеем скудные. Границы стали преградой. Образовался вакуум, дефицит общения, так что всякий раз приходится словно заново знакомиться.

— Вы говорите о разобщенности, о том, что прежде мы чаще встречались. Но если человек захочет, то всюду будет перемещаться. Даже на войне люди снимают. Преград нет. Главное, чтобы была заинтересованность друг в друге. Да и фестивали, я убежден, это не состязание, а место встреч, бесед, знакомств, споров. Здесь всегда присутствует любовь и терпение, а где любовь — там счастье. Так выпьем за любовь, которая дарит нам счастье.

— Да ведь контакты творческие сегодня в деньги упираются.

— А разве раньше без финансов перемещались? Может быть, тогда выезжали те, кто не должен был выезжать. Ведь как было: это коллектив куда не ездил два года, значит, его очередь. Теперь, возможно, гастролировать будут те, кто заслуживает того.

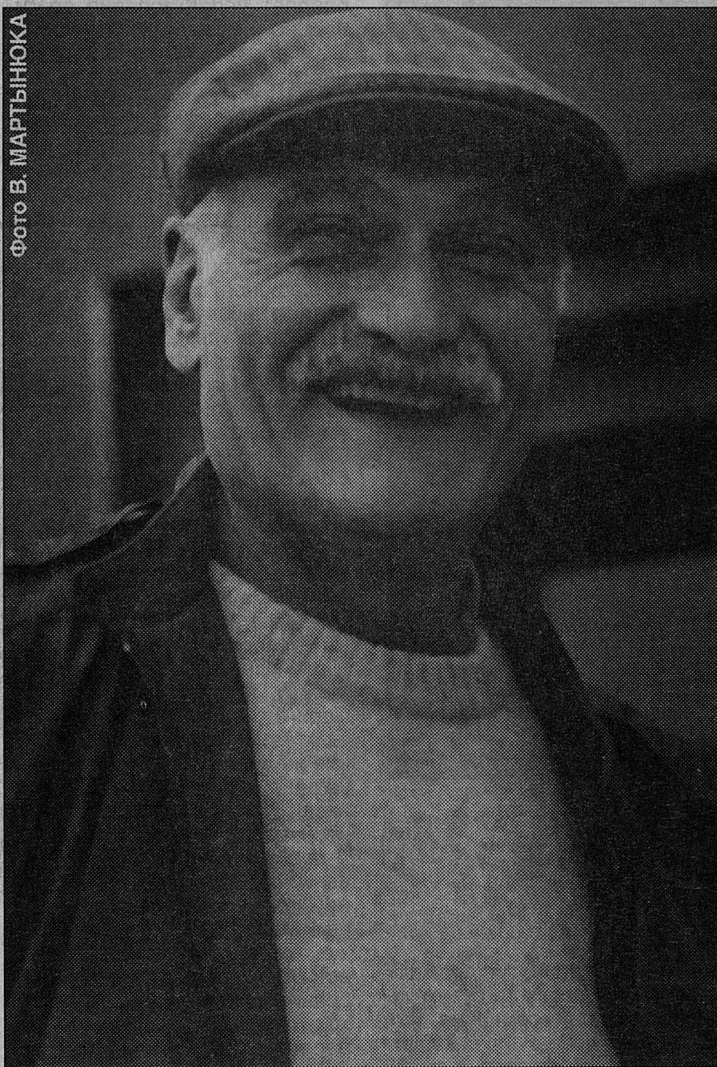
Когда поездки коллективов связаны с политикой, все портится. Связи должны быть творческими, а политикой пусть занимаются политики. Лично у меня творческие взаимоотношения есть. Дважды я побывал на кинофестивале "Золотой Витязь", был членом жюри на "Кишоке", а на "Созвездии" — председателем жюри. Столько, как в последние четыре года, я не ездил никогда. Да и наш Театр имени Шота Руставели объездил весь мир.

Нельзя забывать и то, что мы находимся на большом перевале жизни, психологическом, умственном. Когда китаец проклинает другого, то говорит: "Чтобы ты жил в переходный период". Человек всегда недоволен: "Тогда было лучше". Да, мне было 25 или 30, даже 40. А сейчас — 61. Хорошо было, потому что я был молод и красив. Меня любили. И я любил. Но нельзя же рассуждать на таком уровне.

Приостановились звезды, потому что война началась, кому-то нужна. Всем все про нее ясно. И если кто-то думает, что мы ничего не понимаем, то он ошибается. Надо выкарабкиваться из этой ситуации. А связи восстанавливаются, если вы считаете, что их нет. Грузия моя такая же гостеприимная, какой всегда была. Может быть, даже более гостеприимная, чем раньше.

— Театр ваш участвовал с "Макбетом" в Чеховском фестивале в Москве. Каковы

Фото В. МАРТЫНЮКА

его будни?

— В театре, с моей точки зрения, сложный период. Кто-то из актеров нашего поколения ушел, как Рамаз Чхиквадзе, и будет играть только какие-то отдельные роли, если предложат. Я, честно говоря, уже устал. Раньше играл спектакль, потом бежал на съемки и опять в театр. И на все сил хватало. Сейчас такую физическую нагрузку не смогу, наверное, выдержать. Каждый день на сцену выходить тяжело. Роберт Стурца строит репертуар в расчете на молодое поколение. И это правильно. А во что все выльется — время покажет.

Пришли в театр молодые режиссеры. Словом, жизнь бурлит, несмотря на очень тяжелое общее положение. Иначе, как героями, наших молодых актеров не назовешь. Театр практически третий год не отапливается. Холод и голод. Нет света. А они выпускают спектакли. Слава Богу, нам недавно прибавили зарплату, а то ведь мы практически ничего не получали.

Если нация потеряет театр — это гибель. Пускай такое государство наденет себе на голову огромную канализационную трубу.

— Отношение народа к актеру изменилось за последнее время. Вот идет по улице Кахи Кавсадзе и...

— Мне иногда неудобно — настолько уважают меня в Тбилиси. Часто думаю: "Боже мой, чем я могу ответить на их любовь!".

— Снимаетесь сейчас?

— В грузинском кинематографе, как и в любом постсоветском, трудно. Раньше мы производили 12–15 фильмов в год, из них в 5–6 я почти всегда участ-

вовал. Правда, появились новые студии. Так что по 2–3 фильма в год получается. Один кинокритик как-то мне сказал: "Когда я представляю мир без грузинского кино, плакать хочется". Грустно стало от этих слов. Наверное, все образуется со временем. И грузинское кино займет опять свое достойное место. В Грузии говорят: "Чтобы мы не потеряли терпение и веру, которые дал нам Бог". Если потеряем — погибем.

Несколько лет назад я снимался в Москве у Бориса Бланка в картинах: "Шейлок", "Кремлевские тайны XVI века", "Месьюта". Теперь есть сценарий Павла Финна. Как только будут деньги, приступим с Б.Бланком к работе.

— Актеры сегодня меняют амплуа, переходят в совсем иные профессиональные сферы.

— Мне очень часто предлагали работу и там, и сям. Даже в парламенте. Считаю так: если я хочу для своей Грузии сделать что-нибудь полезное, то именно в своей профессии смогу достичь большего. В чиновничестве вряд ли преуспею. Хотя есть у меня определенное влияние, чего-то могу добиться, что другому не удастся. И все же, и духовно я больше могу дать своему зрителю.

Четыре года назад вдруг предложили поработать на эстраде. Сопровождался поначалу, однако заманили, согласился, но выдвинул жесткие условия: должен быть сценарий, основательная подготовка к таким концертам, как к спектаклю. Вслед за мной потянулись на эстраду и мои товарищи. Получилось интересное представление

"Звезды" театра и кино на эстраде, новые варианты которого мы предлагали зрителям каждый год. Люди были довольны. Стоило в этом году нам не сделать концерта, как пошли письма, звонки: "Что это такое?", "Почему не делаете?". Так вот, когда мы все вместе выходили на сцену: я, Софиго Чиаурели, Котэ Махарадзе, Отар Мегвинетухцеси, я чувствовал, что такой радости, как эта, подарить грузинскому народу в других областях не смогу.

Мне кажется, что в 61 год в своей профессии чему-то научился. Говорю это честно, не кривляясь. Если кто-то думает, что раз умеешь петь-плясать, то ты артист, он ошибается. Все должно быть в комплексе: искусство контролировать свою психику, физику, голос. Теперь, когда пришло понимание профессии, не хочу из нее уходить. А ведь мечтал: вот исполнится 60 — и все. Как в это время податься в чиновники?

— У вас прекрасный внутренний настрой. В чем секрет? Многие ведь впадают в уныние, не видя перспективы.

— Всю свою жизнь я прожил нелегко. Получал в театре маленькую зарплату за то, что днем и ночью стоял на сцене. Маленькие ставки были в кино. "Белое солнце пустыни" показали во всем мире, а я получил 777 рублей. Эти три семерки никогда не забуду. Приехали ко мне на съемки в Каспийск друзья. Пригласил их в ресторан, накрыл один маленький стол на пятерых и потратил половину гонорара. Сейчас, наверное, артист станет более оплачиваемым, если ему повезет и он будет сниматься.

Трудно завоевать себе имя и рынок. Но я не боюсь трудностей. Я рос без отца. Брату было четыре, мне шесть лет, когда отец ушел на фронт. Ушел мой дядя, все ушли. Моя несчастная мать была врачом, вырастила двоих детей. Трудно мне было в театральном институте. Медленно начиналась карьера в театре и кино. Но я не боюсь трудностей. Может, апатии подвержены те, кому было легко? Иногда кажется, что этот мир создан для людей, которые в чем-то провинились "там" и их сослали на землю, где так трудно. Давайте спросим у любого богатого человека, счастлив ли он, исходя из того, что богатство — это счастье. Он ответит: "Нет". Чего-то человеку не хватает всегда. Наверное, это своего рода стимул того, чтобы было лучше.

Бывает, что человек проигрывает бой с жизнью, переоценивает свои возможности, недооценивает противника. Допустим, что противник — жизнь. Значит, надо пересмотреть свое отношение к собственным возможностям. Я не занимаюсь дидактикой, а пытаюсь понять, должен ли человек в такой ситуации быть всегда недовольным собой и окружающим его миром.

Лишь бы был какой-то минимум в жизни, самое необходимое, чтобы по-настоящему не голодать. А если ты — человек творческий, то всегда найдешь чем душу успокоить. Так я жил и живу. Наверное, с этим и уйду.

Беседу вела
Светлана ХОХРЯКОВА